

Современные тенденции стратегического торгово-экономического планирования в развивающихся странах

А. А. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Попова А. А. (2020) Современные тенденции стратегического торгово-экономического планирования в развивающихся странах. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 3. С. 371–389. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.302>

В статье рассматриваются вопросы, посвященные исследованию тенденций стратегического планирования в развивающихся странах, поиску причин повышения интереса к реализации торгово-экономических инициатив, начиная с 2000-х гг., и анализу структурных изменений в разработке подобных документов. Статистической основой работы послужили базы данных Международного торгового центра и Всемирного банка; в качестве методов исследования использовались системный и графический анализ. Результаты показали, что волне реализации стратегических инициатив периода 2000-х гг. предшествовала политика Всемирного банка, направленная на облегчение бремени бедных стран с высоким уровнем задолженности, в рамках которой от бенефициаров требовалось наличие стратегий снижения уровня бедности (в том числе «Стратегии сокращения масштабов нищеты»). Их успешная реализация усовершенствовала существовавшие на тот момент практики планирования и повысила эффективность соответствующих государственных институтов развивающихся стран. Первые положительные результаты стратегических программ вернули веру в действенность данного инструмента в развитии экономики страны. В дальнейшем данный инструмент социально-экономического развития стран стал использоваться в рамках достижения глобальных целей развития ООН. Это также явилось импульсом для разработки торгово-экономических стратегий непосредственно развивающимися странами, уже без поддержки третьих организаций. Будучи самостоятельными в данном процессе, они направили свои ресурсы на развитие секторов с более высокой добавленной стоимостью.

Ключевые слова: стратегические инициативы, торгово-экономическое планирование, экономическое развитие, развивающиеся страны, глобальные цели развития.

Введение

С момента образования мировой экономики и до сегодняшних дней развивающиеся страны представляют самую многочисленную группу государств, характеризующихся низким уровнем жизни населения в условиях постоянного роста его численности, повышающейся безработицы, слабой производительности труда, болезненной экономики, зависимой от сельскохозяйственного производства, экспорта топлива и сырья. Эти страны всегда находились в фокусе острых дискуссий

по вопросам улучшения благосостояния общества, результатом которых стала реализация на их территории различных международных стратегических программ развития.

Следование продуманному сценарию развития позволяет стране оставаться более устойчивой в условиях изменения внутренней и внешней среды, эффективно использовать свои ресурсы, расширять горизонты инноваций и в итоге быстрее переходить на новый качественный уровень становления экономики. Автор согласен с мнением В. И. Меньшиковой о том, что в некоторой степени стратегическое планирование — это механизм внутренней рефлексии и самоопределения страны во внешнем окружении, ориентирующий ее скорее на развитие, чем на рост и конкуренцию [Men'shchikova, 2010]. Это позволяет стране свободно манипулировать имеющимися факторами производства, внедрять инновации и тем самым перестраивать свою экономическую структуру.

Несмотря на то что история полна примеров как успеха, когда та или иная страна достигает процветания благодаря инструментам планирования, так и неудачных попыток, при которых, вне зависимости от стратегической политики, так и не получается перейти черту бедности и значимо улучшить качество жизни населения, количество стратегий на протяжении двух последних десятилетий продолжает расти. При этом дискуссии о том, каковы причины данного роста и как изменилась практика разработки стратегических инициатив за это время, остаются весьма актуальными.

В статье выдвигается гипотеза о том, что современный этап развития стратегического планирования является результатом совместных усилий международных организаций и национальных ведомств стран по достижению глобальных целей человечества — «Целей развития тысячелетия» на 2000–2015 гг. (ЦРТ, Millenium Development Goals — MDGs¹) и «Целей устойчивого развития» на 2015–2030 гг. (ЦУР, Sustainable Development Goals — SDGs²). Кроме того, в ней показывается, что реализация подобных инициатив повлекла за собой повышение интереса развивающихся стран к использованию инструментов планирования для решения национальных узкоспециализированных задач, а также увеличение степени разработанности соответствующих национальных планов развития.

Статья построена следующим образом: в первом разделе рассматривается история развития планирования в развивающихся странах; во втором — представлен анализ данных и методах исследования; в третьем — описываются современные тенденции в разработке международных стратегий торгово-экономического развития в странах Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, Азии и в странах Тихого океана с 2000 по 2015 г.; в четвертом — исследуются происходящие изменения в практике разработки национальных стратегических инициатив в развивающихся странах. В заключении делаются выводы относительно предложенной периодизации использования стратегического планирования в развивающихся странах и основных особенностей, которые характерны для данных документов.

¹ We can end poverty: Millennium Development Goals and beyond 2015. UN. URL: <https://www.un.org/millenniumgoals/> (дата обращения: 15.07.2020).

² The 17 Goals. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/sdgs> (дата обращения: 15.07.2020).

1. История применения практики долгосрочного планирования в развивающихся странах

1950–1960-е годы вошли в историю как пик либерального реформаторства. Одно за другим на карте мира появлялись новые независимые государства, для многих из которых план национального развития был неким символом государственного суверенитета, таким как флаг или гимн. Осознание неприменимости реальных развитого общества к развивающемуся породило волну экономических теорий, объясняющих сложившееся экономическое положение стран третьего мира. Например, Х. Зингер и Р. Пребиш [Singer, 1950; 1999; Prebisch, 1950] объяснили слаборазвитость данной группы стран набором повторяющихся взаимосвязанных экономических и демографических факторов. Согласно предложенной ими теории «порочного круга нищеты», повышение качества жизни развивающихся стран «съедается» последующим ростом населения.

Логическим продолжением данной теории стала концепция «большого толчка», родоначальником которой является П. Розенштейн-Родан [Rosenstein-Rodan, 1961]. Следуя данной концепции, для выхода развивающихся стран из состояния квазистабильного равновесия необходимо крупное вливание капитала. Р. Нурксе предложил, что для разрыва «порочного круга нищеты» требуется *сбалансированный набор инвестиций* [Nurkse, 1955]. Роль государства заключается в создании рыночной инфраструктуры, необходимой для развития частного предпринимательства. В развивающихся странах следует проводить более жесткую (чем в развитых) финансовую политику, так как предельная склонность к сбережению в них значительно ниже той, которая была в промышленно развитых странах на момент начала индустриализации.

А. Хиршман отметил, что любые «первые» инвестиции в развивающейся стране нарушат квазистабильное равновесие экономики и станут стимулом к новым капиталовложениям [Hirschman, 1958]. При этом конкурентоспособность страны зависит от эффективной государственной политики, направленной на изыскание и мобилизацию финансовых ресурсов в целях развития, которые скрыты, рассредоточены или используются неэффективно. Государственную поддержку зарождающейся национальной промышленности следует оказывать (если и оказывать) только после того, как она «встала на ноги».

В 1956 г. У. У. Ростоу предложил концепцию *перехода к самоподдерживающемуся росту* [Rostow, 1959; Rostow, 1990]. Он выделил пять стадий роста экономик стран: 1) традиционное общество; 2) создание предпосылок для взлета; 3) взлет; 4) движение к зрелости; 5) эпоха массового потребления. Все они объясняют переход от развивающегося традиционного общества к развитому современному³. Благодаря мобилизации капитала и реинвестированию прибылей первоначальный импульс развития одной экономической отрасли страны распространяется и на другие сферы.

В 1954 г. У. А. Льюис представил концепцию *дуалистической экономики*, применимую для развивающихся стран, где существуют высокая плотность населения и дефицит капитала (Индия, Бангладеш, Пакистан, Египет и др.) [Lewis, 1954]. Дуализм заключается в различных законах распределения в промышленном и аграр-

³ Позже У. А. Льюис добавил шестую стадию — поиск качества жизни, когда на первый план выдвигается духовное развитие человека [Lewis, 1954].

ном секторах и преодолевается благодаря балансировке занятости в различных сферах экономики. Продолжая идеи Люиса, Дж.Фей и Г.Ранис выделяют дуалистический рынок труда, дуалистический рынок товаров и дуалистический финансовый рынок [Fei, Ranis, 1975]. Дуализм на потребительском рынке сокращается за счет сближения условий труда и заработной платы в традиционном аграрном и современном промышленном секторах экономики. Дуализм финансового рынка преодолевается за счет сбережений аграрного и неаграрного секторов и использования их в качестве инвестиций в расширение производства. С. Фуртадо обращает внимание на то, что сложившийся в мировой экономике дуализм является следствием дуализма потребительских и культурных традиций [Furtado, 2000].

Согласно *теории зависимости*, развивающиеся страны демонстрируют более низкие показатели развития экономик в силу своей слабой позиции в мировой экономике. Р.Пребиш связал ухудшение условий торговли с особенностями международного разделения труда, дискриминационной торговой политикой развитых стран и изменениями, происходящими благодаря научно-техническому прогрессу [Prebisch, 1992]. Главная идея А.Г.Франка заключается в том, что отсталость периферийных обществ обусловлена их включенностью в капиталистическое хозяйство как зависимых и подчиненных партнеров [Frank, 1967]. Вследствие экспорта иностранного капитала в колониальные страны происходит развитие их «слаборазвитости». Согласно мир-системному анализу И.Валлерстайна, основная вина за отсталость развивающихся государств лежит на странах «золотого миллиарда» [Wallerstein, 2011]. Они покупают сырьевые ресурсы развивающихся стран по заниженным, а продают продукты высоких технологий по завышенным ценам. Происходит выкачивание не только капитала, но и человеческих ресурсов.

Проблема конвергенции развитых и развивающихся стран не снималась с повестки дня десятилетиями. Вышеперечисленные научные теории подтверждали существующую проблему и подчеркивали необходимость координации развития слабых стран и их выхода из состояния экономической зависимости. Успех советской индустриализации после пятилетних планов, начатых в 1928 г., был провозглашен доказательством превосходства плановой экономики над свободным рынком [Baran, 1962]. В странах бывшего СССР национальное планирование было настолько распространено, что использовалось для решения как народохозяйственных, так и локальных задач, постепенно охватывая общественное производство, применение технологий, социальное развитие и улучшение окружающей среды [Janik, 2012]. В этот первый период (1920–1960-е годы) использования инструментов планирования социально-экономического развития страны теоретический вклад внесли Н.Д.Кондратьев [Kondratieff, 1981], Л.В.Канторович [Kantorovich, 1939] и А.В.Базаров [Bazarov, 1964]. Они значительно усовершенствовали существующие техники планирования и модели прогнозирования (отраслевые, макроэкономические и оптимальные).

Еще одним примером успеха интервенционистской экономической политики считался план Маршала. Эта масштабная стратегическая программа американского правительства по установлению послевоенного мира в Западной Европе была принята в 1948 г. Она основывалась на принудительном перераспределении денег американских налогоплательщиков в экономики слабых европейских стран. В тот период даже Международный банк реконструкции и развития (МБРР), уч-

режденный в 1944 г., поощрял своих стран-членов формулировать долгосрочные программы развития: «Существование такой программы, особенно в странах, чьи инвестиционные потребности высоки по сравнению с имеющимися финансовыми средствами, облегчает задачу выявления наиболее приоритетных проектов в свете их будущего вклада в реализацию программы в целом» [IBRD, 1954, pp. 44–45].

Однако в 1970-е гг. в научных кругах был поднят вопрос о низкой эффективности стратегического планирования. К этому привели отсутствие политической воли государств, практикующих стратегическое планирование, плохие статистические данные, подорвавшие качество технического анализа, и сам подход к реализации стратегий [Faber, Seers, 1972]. Например, Н. Кайдэн и А. Вилдавски отмечают, что государственные структуры, отвечавшие за национальное планирование, нередко искажали правительственные бюджеты, уделяя слишком много внимания инвестициям, по сравнению с текущими затратам [Caiden, Wildavsky, 1974]. Р. Агарвал и П. Бауэр установили, что правительство иногда пренебрегало несостоятельностью государственных структур и рыночных механизмов [Agarwal, 1983; Bauer, 1982]. Некоторые ученые также писали о провале государственной политики по реализации стратегических программ в связи с их рентоориентированным поведением и непродуктивностью соответствующих политических структур (см., напр.: [Krueger, 1974; Lin, 2009]). Это привело к снижению интереса в разработке стратегических программ развития, что ознаменовало второй период в истории его использования (1970 — середина 1990-х годов).

В 1980-е гг. с началом «структурной перестройки» Всемирный банк и Международный валютный фонд начали подвергать сомнению процесс национального планирования и работу соответствующих государственных комиссий [World Bank, 1983]. Распад Советского Союза и впечатляющий рост либерализованной китайской экономики породили сомнения в необходимости жесткого планирования национального развития. Так, в результате экономических трансформаций СССР в начале 1990-х гг. Госплан был ликвидирован, а экономические отношения перешли в режим саморегулирования в рыночных условиях [Janik, 2012].

К концу 1990 — началу 2000-х годов большинство бывших советских республик упразднили инструмент государственного планирования. Та же участь постигла и развивающиеся страны: в течение 1980–1990-х годов многие национальные агентства планирования и министерства экономического развития были упразднены или объединены в министерства финансов [Chimhowua, Hulmeb, Munroc, 2019]. Тем не менее некоторые страны все же сохранили институты национального планирования даже после либерализации своей экономики, что имело место, например, в Китае, Индии и Малайзии.

Однако с конца 1990-х гг. интерес к стратегическому планированию начал возрождаться. Это связано с инициативой Всемирного банка по облегчению бремени стран с высокой задолженностью (Heavily indebted poor country initiative — HIPC⁴). Несмотря на льготный характер кредитования МВФ⁵, многие бедные страны ис-

⁴ Heavily Indebted Poor Country (HIPC) Initiative. Relieving The World's Poorest Countries Of Unmanageable Debt Burdens. January 11, 2018. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/debt/brief/hipc> (дата обращения: 15.07.2020).

⁵ Которое в случае беднейших стран часто предоставлялось по процентным ставкам на уровне 1% и менее и со сроком погашения свыше 30 лет. (Логика облегчения бремени задолженности для

пытывали трудности с осуществлением платежей по своим долгам. Причиной тому был низкий рост экономики (ниже ожидаемого). Как отмечали в МВФ, для решения долговой проблемы развивающихся стран необходимо не только существенное сокращение долга, но и проведение ряда реформ, направленных на достижение долгосрочного роста и сокращение бедности⁶.

Инициатива НРС предполагала частичное погашение национальных кредитов в обмен на обязательства по инвестированию в здравоохранение, образование, продовольствие и социальную инфраструктуру. При этом кредиторы обязывали бенефициаров иметь наглядную стратегию сокращения бедности, а также вести статистический учет направлявшихся в страну иностранных инвестиций. Наряду с этим, президент Всемирного банка Дж. Вулфенсон предложил, чтобы все развивающиеся страны имели «Всеобъемлющую программу развития» (Comprehensive development framework — CDF⁷) [Mallaby, 2004, pp. 232–260], которая способствовала бы систематичному подходу в развитии слабых экономик [Mallaby, 2004]. Принципы данной программы были поддержаны большинством доноров и стран-получателей, а также легли в основу «Целей развития тысячелетия» на 2000–2015 гг. и Монтеррейского консенсуса (2002 г.).

Эти действия привели к разработке Всемирным банком ряда страновых стратегий по смягчению проблемы бедности (Poverty reduction strategy papers — PRSPs⁸), основными целями которых являлись: 1) устойчивый экономический рост, обеспечивающий население страны продуктивной занятостью; 2) политика развития человеческих ресурсов, уделяющая особое внимание доступности базовых услуг (особенно медицины и образования); 3) адресная социальная защита наиболее нуждающихся слоев населения⁹. По своей структуре эти доклады напоминали национальные планы развития — они включали инвестиционные программы, целевые показатели секторов и матрицы результатов.

Как было отмечено рядом ученых [Chimhowua, Hulmeb, Munroc, 2019], стратегические документы PRSPs помогли укрепить уверенность государства в вопросах разработки планов развития, а также способствовали ориентации государственных институтов на выполнение планов, как это произошло, например, в Бангладеш, Бенине, Гане, Малави, Того, Уганде, Вьетнаме, Замбии. Р. Дрисколл и А. Эванс подчеркивают, что влияние PRSPs заключалось в том, что министерства финансов рассматривали вопросы бедности человеческого развития как часть задач, планируя и выделяя бюджет, а не просто передавая планы министерствам социального сектора [Driscoll, Evans, 2005]. Кроме того, растущая экономика некоторых стран стала открывать финансовые возможности по реализации собственных страте-

беднейших стран. Тематический обзор, 00/07 (R). Сентябрь 2000 года. МВФ. URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/092300r.htm> (дата обращения: 15.07.2020).

⁶ URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/092300r.htm> (дата обращения: 15.07.2020).

⁷ The comprehensive development framework: a multi-partner review (English). OED Reach Washington, D. C. World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/936041468779995923/The-comprehensive-development-framework-a-multi-partner-review> (дата обращения: 15.07.2020).

⁸ Alonso R., Judge L., Klugman J. G. Poverty Reduction Strategy Paper (PRSPs) and budgets: a synthesis of five case studies (English). 2016. Washington, D. C. World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/195291467991921043/Poverty-Reduction-Strategy-Paper-PRSPs-and-budgets-a-synthesis-of-five-case-studies> (дата обращения: 15.07.2020).

⁹ Factsheet. IMF Support for Low-Income Countries. March 13, 2020. IMF. URL: <https://www.imf.org/en/About/Factsheets/IMF-Support-for-Low-Income-Countries> (дата обращения: 15.07.2020).

гических инициатив, что, например, наблюдалось в Замбии после товарного бума 1990-х гг.

В начале XXI в. развитие науки о сложных системах породили доводы в пользу разработки новых форм планирования [Colander, Kupers, 2014; Ramalingam, 2013], учитывающих, скажем, вероятность непредвиденных обстоятельств и изменение поведения акторов экономических систем [Swanson, Bhadwal, 2009; Earl, Carden, Smutylo, 2001]. Таким образом, планирование стало в большей степени фокусироваться не на конкретных результатах, а на повышении «устойчивости» отдельных организаций и систем перед лицом непредвиденных обстоятельств [Hummelbrunner, Jones, 2013].

С конца 1990-х гг. (третий период) интерес к стратегическому планированию только усилился: так, количество разработанных стратегий в сфере развития торговли и экономики выросло как минимум в три раза¹⁰. Авторская периодизация развития стратегического планирования предложена в табл. 1.

Таблица 1. Периодизация развития планирования

Период	Характеристика	Предшествующие события
1. 1920–1960-е годы	Планирование рассматривается как неотъемлемый инструмент развития страны	Успех плановой экономики СССР и плана Маршала, пик либерального реформаторства
2. 1970 — середина 1990-х годов	Планирование подвергается критике за свой тоталитарных характер	Распад СССР, успех либерализированной экономики Китая
3. Конец 1990-х гг. — по настоящее время	Планирование носит рекомендательный характер, является «опорой» развития	Инициативы Всемирного банка НИРС и PRSPs, принятие странами — участниками ООН «Целей развития тысячелетия» и «Целей устойчивого развития»

Автор связывает третий период развития стратегического планирования не только с инициативами Всемирного банка НИРС и PRSPs, но и с принятием странами — участниками ООН глобальных целей развития человечества — «Целей развития тысячелетия» на 2000–2015 гг. и «Целей устойчивого развития» на 2015–2030 гг. Данные цели носят рекомендательный характер и представляют собой глобальный план действий, направленный на обеспечение мира, процветания людей и планеты. Международные организации, такие как ООН и Всемирный банк, предоставляют помощь развивающимся странам в разработке и реализации стратегических программ развития. По оценкам ООН, в период с 2000 по 2014 г. объемы официальной помощи развивающимся странам в целях развития выросли на 66 % и достигли 135,2 млрд долл. США¹¹.

¹⁰ Согласно базе данных Trade Strategy Map (TSM). Источник: Trade Strategy Map. ITC. URL: <https://www.tradestrategymap.org> (дата обращения: 15.07.2020).

¹¹ Цели в области устойчивого развития. 17 целей для преобразования нашего мира. ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 15.07.2020).

Увеличение числа и распространение долгосрочных планов развития за последнее десятилетие является важной политической тенденцией, которая требует объяснения и изучения. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что *современный этап в развитии стратегического планирования определяется активной ролью международных организаций и их совместной работой с национальными ведомствами стран по достижению глобальных целей развития человечества.*

Эмпирическое исследование посвящено проверке данной гипотезы.

2. Данные исследования

Фокус настоящего исследования направлен на изучение стратегического торгово-экономического планирования, что вызвано наличием в открытом доступе базы данных Trade Strategy map (TSM), которая является одним из проектов Международного торгового центра (International trade centre — ИТС), агентства по техническому сотрудничеству Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирной торговой организации (ВТО). Она включает в себя перечень стратегических инициатив более 150 стран, соответствующих трем основным критериям документа, который: 1) посвящен торговому и/или экономическому развитию; 2) представляет собой инструмент стратегического планирования; 3) является легитимным¹².

В базе данных TSM собраны стратегии, которые так или иначе затрагивают торгово-экономические вопросы, при этом случай попадания в нее стратегии, направленной, например, только на повышение качества образования, исключен. Кроме того, она охватывает стратегические инициативы, разработанные только начиная с 1992 г. Несомненно это выступает ограничивающим обстоятельством рассуждений и характеризует лишь некоторые аспекты такого явления, как развитие стратегического планирования в развивающихся странах. Тем не менее каждая стратегия описывается более чем 30 переменными, включающими в себя секторальное покрытие документа, покрытие по тематическим областям, концептуальную структуру, временные рамки действия и ряд других индикаторов, что в некоторой степени позволяет получить общее понимание современных тенденций в практике разработки подобных документов в мире.

Среди тематических областей, которым посвящена стратегическая инициатива, такие как: сокращение бедности, гендерное равенство, вовлечение в экономическую деятельность молодежи, экологическая устойчивость, региональная интеграция, доступ к финансированию (в том числе торговли), информация в области торговли и исследование параметров рынка, управление качеством производимых товаров и услуг, профессиональная подготовка, упрощение процедур торговли, развитие торговли, другие вопросы торговли, цели устойчивого развития, инновации, развитие малого и среднего предпринимательства. Кроме того, в ней представлена структурная информация о наличии в стратегии проработанного плана распределения финансовых ресурсов, дорожной карты, информации о проведении консультаций с бенефициарами стратегии развития страны, об утверждении от-

¹² Trade Strategy Map. ИТС. URL: <https://www.tradestrategymap.org> (дата обращения: 15.07.2020).

ветственного (лица или организации) за реализацию стратегии, а также о привлечении национального совета по экспорту¹³.

В рамках базы данных TSM стратегические инициативы классифицируются: 1) по типу (национальные, разработанные национальными ведомствами страны, или международные, подготовленные международными организациями); 2) по географическому признаку (страновые — по развитию только одной страны — или региональные — нескольких стран). Примером последней может быть стратегия развития Африки “African Union Agenda 2063”, принятая 55 африканскими странами в 2013 г. с целью оптимизации использования ресурсов региона¹⁴.

В ходе исследования задействована информация о 123 развивающихся странах, объединенных в три группы: 1) страны Африки; 2) страны Латинской Америки и Карибского бассейна; 3) страны Азии и Тихого океана. Временные рамки анализа охватывают период с 2000 по 2015 г. Таким образом, были проанализированы 1072 торгово-экономические стратегии, из которых 1035 разработаны для одной страны и 37 — для группы стран. Из них около 47 % были разработаны национальными ведомствами и 53 % — международными организациями.

В качестве методов исследования применения практики стратегического планирования использовались общенаучные принципы познания экономических явлений (диалектический, конкретно-исторический, системный) и другие подходы. Они позволили рассмотреть изучаемые явления и процессы в развитии, выявить противоречия, соотнести сущностные характеристики и формы их проявления. Также в качестве инструментов применялись методы анализа, синтеза и экспертных оценок. Основная часть исследования выполнена с помощью графического анализа статистических данных, что дало возможность отобразить изменение характеристик стратегических инициатив в течение рассматриваемого периода.

3. Современный тренд международного стратегического планирования

Согласно полученным статистическим расчетам, интерес к разработке стратегических инициатив по торгово-экономическим вопросам в развивающихся странах за последнее время возрос как минимум в три раза (рис. 1). В 2000–2015 гг. каждая страна разработала приблизительно 8,7 стратегий, которые в среднем действуют 5,5 лет. При этом 32,9 % всех стратегических инициатив были разработаны в развивающихся странах Азии и Тихого океана, 43,6 % — в странах Африки и 23,5 % — в странах Латинской Америки и Карибского бассейна.

В подтверждение поставленной в работе гипотезы стоит заметить, что современная волна разработки стратегических инициатив с начала 2000-х гг. сопряжена с продвижением ЦРТ на 2000–2015 гг. и ЦУР на 2015–2030 гг. Рост разработки стратегических инициатив, направленных на достижение глобальных целей развития, заметен как в абсолютных, так и в относительных показателях (рис. 2). В 2000–2007 гг. 20 % всех стратегий разрабатывались международными организа-

¹³ Этот фактор является значимым для стратегий развития с акцентированием на решении торговых вопросов.

¹⁴ Agenda 2063: The Africa We Want. URL: <https://au.int/en/agenda2063/overview> (дата обращения: 15.07.2020).

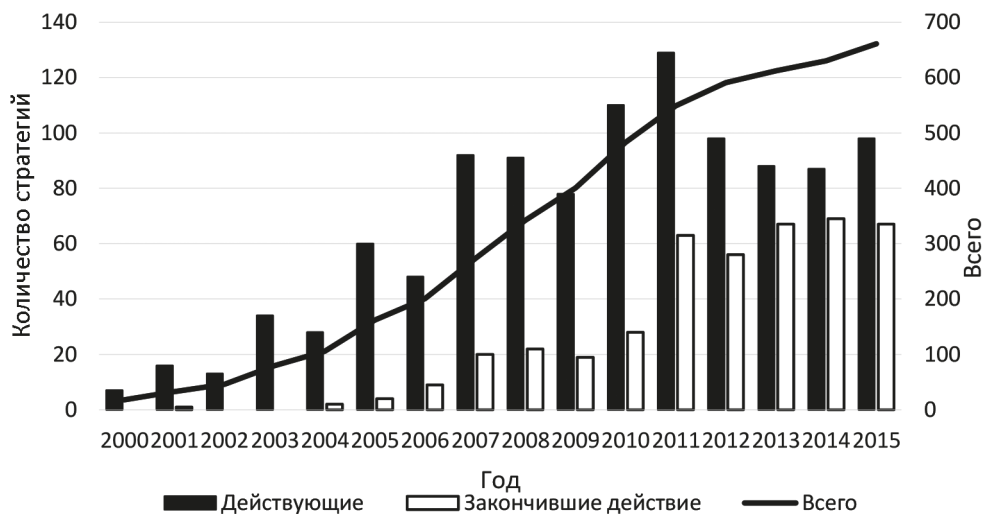

Рис. 1. Динамика количества стратегий, 2000–2015 гг.

Составлено по: Trade strategy map. ITC. URL: <https://www.tradestrategymap.org> (дата обращения: 15.07.2020).

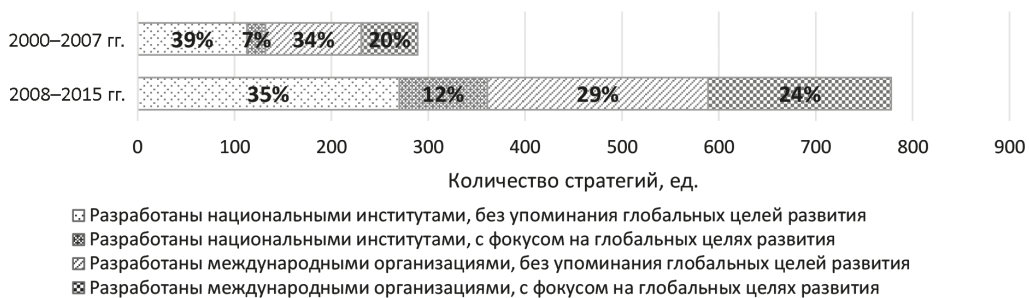

Рис. 2. Динамика разработки стратегий с фокусом на глобальных целях развития, %

Составлено по: Trade strategy map. ITC. URL: <https://www.tradestrategymap.org> (дата обращения: 15.07.2020).

циями и были направлены на достижение глобальных целей развития, при этом в 2008–2015 гг. данный процент вырос до 24%. Важно, что процент стратегий, разработанных национальными институтами и нацеленных на достижение ЦРТ или ЦУР, также вырос за рассматриваемый период на 5 п. п. (с 7 до 12%).

Разрабатывая в 2008–2015 гг. стратегии развития стран, международные организации включали в документ план действий по достижению ЦРТ или ЦУР на 20 п.п. чаще, чем национальные ведомства¹⁵. При этом интерес международных организаций в поддержке стратегических инициатив развивающихся экономик постепенно смещается на страны Латинской Америки и Карибского бассейна: в 2005 г. процент стратегий, разработанных международными организациями, в данном регионе составлял 7% от общего числа инициатив, а в 2015 г. — уже 15%.

¹⁵ В 2000–2007 гг. — на 22 п.п. чаще.

Этому сопутствовало снижение международных инициатив в странах Африки с 56 % в 2005 г. до 51 % в 2015 г. (аналогичный показатель стран Азии и Тихого океана остался без изменений).

Отчасти это может быть связано с миграционным кризисом в Центральной Америке, который усугубляет проблему бедности и экономической отсталости региона, что мобилизует международные организации в разработке стратегических программ развития, в том числе направленных на торгово-экономическую сферу.¹⁶ Например, только в 2019 г. Всемирный банк привлек в страны Латинской Америки и Карибского бассейна более 14,4 млрд долл. США в виде кредитов и гарантий для поддержки устойчивого развития и сокращения масштабов нищеты, так или иначе с привязкой к стратегическим программам развития¹⁷.

В течение всего периода с 2000 по 2015 г. Всемирный банк остается основной международной организацией, которая внедряет практику разработки стратегических документов по вопросам торгово-экономического развития (особенно с акцентом на достижение глобальных целей развития). В рамках инициативы PRSPs создано наибольшее количество всех международных стратегий — 11 % от общего числа. Они были реализованы, например, в Боливии, Буркина-Фасо, Камбодже, Танзании и Вьетнаме. Кроме того, 8 % от всех международных стратегий разрабатывались на основе диагностического исследования по изучению степени интеграции вопросов торговли (Diagnostic trade integration studies — DITS¹⁸). Данный проект успешно реализован в Анголе, Бутане, Бенине, Демократической Республике Конго, Мьянме и многих других развивающихся странах. Среди остальных международных организаций, активно продвигающих стратегическое планирование, стоит выделить Азиатский банк развития (Asian development bank — ADB), Сообщество развития Юга Африки (Southern african development community — SADC), а также Программу развития ООН (United nations development programme — UNDP).

Как показывает анализ имеющихся документов, международные организации также часто подчеркивают необходимость развития сферы социальных услуг (медицина и образование), транспортной сети, сокращения бедности, обеспечения экологической устойчивости, гендерного равенства, вовлечения молодежи и женщин в экономическую деятельность¹⁹. Важно подчеркнуть, что стратегии развития, разработанные международными организациями, имеют более продуманный план реализации и четко сформулированные целевые показатели, что упрощает их имплементацию. Они также отличаются наличием четкого плана привлечения финансовых ресурсов, что все еще является слабым звеном национальных стратегических инициатив.

¹⁶ Lieberman A. UN, international NGOs boost Central America presence amid migrant and refugee crisis. 17 July 2018. Devex. URL: <https://www.devex.com/news/un-international-ngos-boost-central-america-presence-amid-migrant-and-refugee-crisis-93056> (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁷ World Bank Group Mobilizes Over \$14.4 billion for Latin America and the Caribbean Development in Fiscal Year 2019. July 19, 2019. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/07/19/world-bank-group-mobilizes-over-144-billion-for-latin-america-and-the-caribbean-development-in-fiscal-year-2019> (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁸ Инициатива реализуется Всемирным банком совместно с ПРООН. Данная инициатива направлена скорее на развитие экспорта и внутреннего производства стран.

¹⁹ Нельзя не отметить, что развитие этих сфер деятельности также фигурирует в ЦРТ и ЦУР.

При разработке торгово-экономических стратегий международные организации вовлекают заинтересованные стороны (например, бизнес и общественные организации) на 19,2 п. п. чаще, чем национальные ведомства. Необходимо отметить, что взаимодействие между правительством, бизнесом, профсоюзами и потребителями является одним из основных факторов, повышающих эффективность любой стратегии, так как оно содействует укреплению взаимного доверия и координации усилий в развитии страны. В такой связи национальным ведомствам необходимо всерьез задуматься об использовании данного ресурса в повышении эффективности разрабатываемых стратегий. Это становится еще более актуальным, особенно в рамках ЦУР 16, призывающей к более активному взаимодействию государства с гражданами при разработке стратегий, планов и политики²⁰.

Однако международные организации чаще всего не несут прямой ответственности за реализацию стратегий, что может негативно влиять на эффективность ее имплементации. Они в меньшей степени (чем национальные ведомства) осведомлены о наличии ресурсов в стране и имеют более слабые связи с соответствующими институциональными структурами, что снижает качество координации шагов по реализации стратегического плана действий.

4. Особенности разработки национальных стратегий планирования

Активность международных организаций в разработке «первых» стратегий в виде PRSPs и стратегий по достижению глобальных целей развития (ЦРТ и ЦУР) помогла развивающимся странам усовершенствовать механизмы планирования, статистические институты по мониторингу изменений количественных показателей экономики страны. Склонность к разработке национальных инициатив особенно заметна в странах Азии и Тихого океана: 66 % инициатив стран Азии подготовлены директивными органами страны (а не международными организациями), что выше среднего на 14 п.п. Это может быть связано с тем, что последнее десятилетие страны данного региона отличаются относительно быстрым ростом экономик²¹; возможно, это ведет к росту финансовых ресурсов стран. В свою очередь, наличие весомого бюджета является одним из факторов успеха в реализации стратегических планов.

Например, в Индонезии после реализации в 1995–2005 гг. ряда торгово-экономических стратегий (таких как PRSPs и других региональных инициатив с фокусом на достижении ЦРТ и ЦУР) был выпущен один из самых долгосрочных национальных планов развития (National long-term development plan — RPJPN²²) за 2005–2025 гг. Данная стратегия сформирована национальным институтом — Министерством по планированию национального развития страны — и направлена

²⁰ UN. Department of Economic and Social Affairs. Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/sdg16> (дата обращения: 15.07.2020).

²¹ Asia's Dynamic Economies Continue to Lead Global Growth. May 9, 2017. IMF. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2017/05/08/NA050917-Asia-Dynamic-Economies-Continue-to-Lead-Global-Growth> (дата обращения: 15.07.2020).

²² Indonesia: Long-Term Development Plan (RPJPN) 2005–2025. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/3036> (дата обращения: 15.07.2020).

на достижение национальных целей. К ним относится достижение ВВП на душу населения к 2025 г. отметки в 6 тыс. долл. США (на 2005 г. данный показатель составлял 1260 долл. США) при сокращении разрыва между богатым и бедным слоями населения, а также реализация продовольственной самообеспеченности²³. В качестве опоры экономики выбраны сельскохозяйственный сектор и горная промышленность, которые со временем должны основываться на современных конкурентоспособных технологиях. Предполагается, что устойчивость данной системы позволит стране постепенно развивать и другие отрасли экономики.

После принятия этого плана ВВП страны на душу населения вырос в три раза, а разрыв между богатым и бедным слоями населения сократился в полтора раза (по сравнению с 2005 г.)²⁴. Одним из факторов повышения ВВП страны являлся значительный рост потребительского среднего класса, сформировавшего рынок, и инвестиции в инфраструктуру страны, увеличению которых способствовала выбранная экономическая и денежно-кредитная политика правительства, направленная на упрощение правил ведения бизнеса для иностранных инвесторов и предпринимателей²⁵. В 2018 г. Индонезия стала первой страной в Организации исламского сотрудничества (Organisation of Islamic Cooperation — OIC) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Association of Southeast Asian Nations — ASEAN), чья экономика оценивается в 1 трлн долл. США.

Анализ документов базы данных TSM показал, что национальные стратегии являются более узкоспециализированными по сравнению с международными стратегиями. Национальные стратегии на 17,5% чаще включают тот или иной сектор в разрабатываемый документ. Они также приоритизируют развитие секторов со сравнительно высокой добавленной стоимостью, например, продукты химического или смежного происхождения, машины, оборудование и транспортные средства. В секторе услуг национальные стратегические инициативы направлены в основном на развитие туризма и коммуникационных услуг. Это может быть связано с тем, что на данном этапе развития страны с развивающимися экономиками больше заинтересованы в продвижении своей торгово-промышленной деятельности, чем, например, вопросов гендерного равенства.

Так, несмотря на то что Китай пока еще остается основным поставщиком готовых металлов, внутренний рынок необработанных металлов постепенно переходит к другим азиатским странам, где он может быть быстро поглощен за счет растущего количества потребителей среднего класса. Развитие металлургического и горнодобывающего сектора требует от государства продуманного стратегического видения. Согласно базе данных TSM, ежегодное количество действующих стратегий, направленных на развитие промышленности и торговли минеральных продуктов, в странах Азии увеличилось за последнее десятилетие с 7 до 17.

Аналогичная ситуация характерна и для регионального рынка текстильной продукции. В Бангладеш, Вьетнаме и Индии сектор текстильной продукции

²³ В данном случае количественные показатели не определены.

²⁴ World Development Indicator Database, 2017. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 15.07.2020).

²⁵ Integrated Country Strategy: Indonesia. Public release on August 16, 2018. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/ICS_EAP_Indonesia_For-Public-Release.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

и предметов одежды (значительная часть которого ранее принадлежала Китаю) вовлекает в экономическую деятельность достаточно большую долю населения²⁶. Для многих семей работа в компании по производству одежды является редким шансом выхода из бедности. Например, количество занятых в текстильном, швейном и кожевенно-меховом секторах в Бангладеш достигает 72,9 % от общего числа занятых в обрабатывающей промышленности (2011 г.), во Вьетнаме — 43,1 % (2017 г.), а в Индии — 22,2 % (2017 г.). Причем цифры растут вместе с количеством разрабатываемых национальных стратегий данного региона (с 5 — в 2000 г. до 24 — в 2015 г.).

В 2015 г. 32 % стратегических торгово-экономических инициатив стран Африки были посвящены развитию животноводства и 19 % — овощной продукции. Директивные органы заинтересованы в реализации сельскохозяйственного потенциала региона, который, по прогнозам Всемирного банка, вырастет к 2030 г. до 1 трлн долл. США²⁷. Кроме того, данный сектор остается основным в формировании рабочих мест: 70 % населения стран Африки вовлечены в сельскохозяйственные работы²⁸. В данном случае успешная реализация долгосрочных программ развития может способствовать достижению продовольственной самообеспеченности региона.

Также стоит привести пример экономического успеха Ботсваны, который является результатом умелого руководства и воссоздания национального процесса планирования. Еще с 1997 г. страна начала работать над долгосрочным видением устойчивого экономического развития, разрабатывая новые и обновляя старые прогнозы год за годом и реформируя соответствующие государственные ведомства²⁹. Согласно статистике TSM, 64 % стратегических инициатив (из 21 стратегии за 2000–2015 гг.) были разработаны без упоминания ЦРТ или ЦУР и направлены на развитие экономических секторов страны. Ботсвана является показательной страной в стратегическом развитии туризма, выступающего одной из ключевых тематик торгово-экономических стратегий стран Африки³⁰. Результатом стратегического развития туризма Ботсваны стало создание в 2009 г. специализированной туристической организации “Botswana Tourism Organization”, цель которой — в том числе создание долгосрочного видения развития сектора и привлечение инвести-

²⁶ В России доля занятых в текстильной, швейной и кожевенно-меховой промышленности равна 4,3 %, в Германии — 1,8 %, а в США — 2,8 % (UNIDO Statistics Data Portal. UNIDO. URL: <http://stat.unido.org/home> (дата обращения: 15.07.2020)).

²⁷ Calestous Juma. What is Africa's agriculture potential? 3 September 2015. WEF. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/09/what-is-africas-agriculture-potential/> (дата обращения: 15.07.2020).

²⁸ AGRA. (2017). Africa Agriculture Status Report: The Business of Smallholder Agriculture in Sub-Saharan Africa (Issue 5). Nairobi, Kenya: Alliance for a Green Revolution in Africa (AGRA). URL: <https://agra.org/wp-content/uploads/2017/09/Final-AASR-2017-Aug-28.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

²⁹ Форсайт как инструмент стратегического долгосрочного планирования для развивающихся стран. UNDP Global Centre for Public Service Excellence. URL: https://www.undp.org/content/dam/undp/library/capacity-development/English/Singapore%20Centre/GPCSE_Foresight_RUS.pdf (дата обращения: 15.07.2020)).

³⁰ Кроме того, в 2017 г. на данный сектор пришлось 8,1 % ВВП, 6,5 % занятых и 5,7 % всех привлеченных иностранных инвестиций (Statistics Botswana. Tourism Statistics Annual Report 2017. p. 110. URL: <http://www.statsbots.org/bw/sites/default/files/Tourism%20Statistics%20Annual%20Report%202017.pdf> (дата обращения: 15.07.2020)).

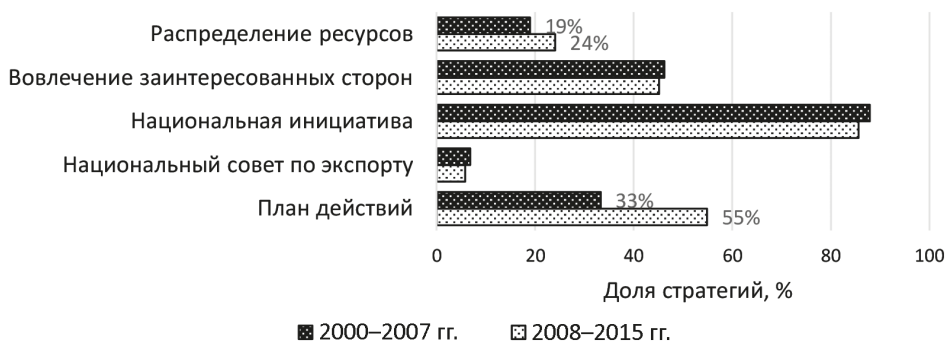

Рис. 3. Изменение структурных характеристик национальных стратегий развивающихся стран, 2000–2015 гг.

Составлено по: Trade strategy map. ITC. URL: <https://www.tradestrategymap.org> (дата обращения: 15.07.2020).

ций³¹. Всего за 2000–2015 гг. в стране были реализованы четыре национальные стратегии развития данного сектора.

Анализ базы данных TSM показал, что за 2008–2015 гг. национальные стратегические инициативы стали более проработанными (по сравнению с 2000–2007 гг.): очень часто имели четкий план действий по реализации и финансированию поставленных целей. Например, в 2008–2015 гг. национальные ведомства на 22 п.п. чаще, чем в 2000–2007 гг., дополняли разработанные стратегии планом конкретных действий по реализации поставленных целей, а также на 5 п.п. чаще прорабатывали механизм финансирования и распределения ресурсов (рис. 3). Это служит подтверждением того, что национальные институты развивающихся стран постепенно совершенствуют механизмы стратегического планирования, иногда перенимая опыт стратегического торгово-экономического планирования международных организаций.

К успешным странам, которые используют национальное стратегическое планирование как инструмент развития экономики, относятся Китай, Индия и Малайзия и др. При этом нельзя не отметить, что Зимбабве, как и некоторые другие страны, не смогла реализовать экономический потенциал даже при действующих стратегических инициативах. Также стратегические цели ряда стран расходятся с международным консенсусом, — например, это касается вопросов продвижения культурных ценностей (Бутан), развития продуктивности, даже за счет окружающей среды и культивирования националистических настроений (Северная Корея и Узбекистан). Отчасти это свидетельствует о многополярности мирохозяйственного уклада, различного понимания развития как такового и методов его достижения.

³¹ Botswana Tourism. About BTO. URL: <http://www.botswanaturism.co.bw/about-bto> (дата обращения: 15.07.2020).

Заключение

Проведенное исследование позволило выделить три периода применения практики государственного планирования в развитии стран: 1920–1960-е годы, 1970 — середина 1990-х годов, конец 1990-х годов — по настоящее время. В первый период планирование рассматривалось как неотъемлемый инструмент развития страны. Данная идея подкреплялась успехом развития плановых экономик и реализации плана Маршалла. Второй период характеризовался снижением интереса к инструментам планирования, вызванным распадом СССР и экономическим успехом либерализованной китайской экономики. Третий период вызван появлением научных теорий о необходимости государственного вмешательства в развитие экономически слабых стран и практической необходимостью координации направленной им финансовой помощи.

Представляется, что третий период использования инструментов стратегического планирования связан не только с реализацией инициатив Всемирного банка (таких как HIPC, PRSPs и DITS), но и с принятием странами — участницами ООН глобальных целей развития человечества (ЦРТ за 2000–2015 гг. и ЦУР за 2015–2030 гг.). По оценкам ООН, в 2000–2014 гг. объемы официальной помощи развивающимся странам в целях развития выросли на 66%. В то же время количество только торгово-экономических стратегических инициатив развивающихся стран увеличилось как минимум в три раза. Если в 2000 г. 60 стран имели активные торгово-экономические стратегии развития, то в 2015 г. этот показатель достиг 98. При этом 32,9% всех стратегических инициатив были разработаны в развивающихся странах Азии и Тихого океана, 43,6% — в странах Африки и 23,5% — в странах Латинской Америки и Карибского бассейна.

Исследование показало, что 53% всех стратегических инициатив разработаны международными организациями, в основном Всемирным банком. Из них около половины направлялись непосредственно на достижение глобальных целей развития, а остальные — на решение смежных проблем (например, на сокращение уровня бедности, обеспечение гендерного равенства и экологической устойчивости). Данные инициативы отличаются подробным планом реализации и четко сформулированными целевыми показателями. Кроме того, более чем в 60% случаев международные организации привлекают к работе по разработке стратегических инициатив заинтересованные стороны — национальные ведомства страны, бизнес и общественные организации.

Разработка международных стратегических инициатив способствовала воссозданию и/или совершенствованию систем мониторинга и институциональных механизмов планирования развивающихся стран. После успеха первых стратегических программ развивающиеся страны начали задумываться о возвращении к национальным планам развития, что особенно заметно в странах Азии и Тихого океана. Кроме того, растущая экономика некоторых стран стала открывать финансовые возможности по реализации собственных стратегических инициатив.

Национальные стратегические инициативы в большей степени узкоспециализированы и на 17,5% чаще включают в себя тот или иной экономический сектор (что несвойственно международным стратегиям). В них также приоритизируются сектора со сравнительно высокой добавленной стоимостью, например хими-

ческая промышленность, машиностроение, транспортный сектор, производство промышленного оборудования, а также туризм и коммуникационные услуги. Развивающиеся экономики больше заинтересованы в промышленном развитии, чем, скажем, в решении социальных проблем.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы государственными органами и институтами в процессе разработки стратегических программ развития страны. Знание современных трендов стратегического планирования способно облегчить задачу директивных органов по нахождению правильного баланса в реализации международных и национальных инициатив, а также по созданию более широких возможностей для развития страны.

Литература/References

- Agarwal R. (1983) *Planning in developing countries: lessons of experience*. World Bank Working Paper 576. Washington, DC, The World Bank. 58 p.
- Baran P. (1962) *The Political Economy of Growth*. New York, Monthly Review Press. 332 p.
- Bauer P. (1982) *Equality, the third world and economic delusion*. London, Methuen. 794 p.
- Bazarov V. A. (1964) On the Methodology for Drafting Perspective Plan. In: *Foundation of Soviet Strategy of Economic Growth, Selected Short Soviet Essays 1924–1930*. N. Spulber (ed.). Bloomington, Indiana University Press, pp. 265–378.
- Caiden N., Wildavsky A. (1974) *Planning and budgeting in poor countries*. New York, John Wiley & Sons Ltd. 371 p.
- Chimhowua A. O., Hulmeb D., Munroc L. T. (2019) The “New” national development planning and global development goals: Processes and partnerships. *World Development Journal*, no. 120, pp.76–89.
- Colander D., Kupers R. (2014) *Complexity and the art of public policy*. Princeton, New York, Princeton University Press. 320 p.
- Driscoll R., Evans A. (2005) Second-generation poverty reduction strategies: New opportunities and emerging issues. *Development Policy Review*, no. 23, pp. 5–25.
- Earl S., Carden F., Smutylo T. (2001) *Outcome mapping: Building Learning and Reflection into Development Programs*. Ottawa: IDRC. 120 p.
- Hirschman A. O. (1958) *The Strategy of Economic Development*. New Haven, Yale University Press. 230 p.
- Hummelbrunner R., Jones H. (2013) *A guide for planning and strategy development in the face of complexity*. Background Note. London, Overseas Development Institute. 12 p.
- Faber M., Seers D. eds. (1972) *The crisis in planning*. London, Chatto & Windus. 86 p.
- Fei J., Ranis G. A. (1975) Model of Growth and Employment in the Open Dualistic Economy: The Case of Korea and Taiwan. *The Journal of Development Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 32–63.
- Frank A. G. (1967) *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York, NYU Press. 371 p.
- Furtado C. (2000) O fator político na formação nacional. *Estudos Avançados*, vol. 14, iss. 40, pp. 7–12.
- Humphreys D. (2018) In search of a new China: mineral demand in South and Southeast Asia. *Mineral Economics*, vol. 31, iss. 1–2, pp. 103–112.
- IBRD (1954) *The International Bank for Reconstruction and Development, 1946–1953*. Baltimore, Md., Johns Hopkins University Press for the International Bank for Reconstruction and Development. 273 p.
- Janik A. A. (2012) *History of modern Russia. The roots and lessons of the latest Russian modernization (1985–1999)*. Moscow, Fond Sovremennoy istorii. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. 760 p.
- Kantorovich L. V. (1939) Mathematical Methods of Organizing and Planning Production. *Management Science*, vol. 6, no. 4, pp. 366–422.
- Kondratieff N. (1981) *Long Wave Cycle*. New York, Richardson & Snyder. 138 p.
- Krueger A. O. (1974) The Political Economy of the Rent-Seeking Society. *American Economic Review*, vol. 64, iss. 3, pp. 291–303.
- Lewis W. A. (1954) Economic development with unlimited supplies of labour. *The Manchester School*, vol. 22, iss. 2, pp. 139–191.
- Lin J. Y. (2009) *Economic Development and Transition: Thought, Strategy, and Viability*. Cambridge University Press. 185 p.

- Mallaby S. (2004) *The world's banker: A story of failed states, financial crises, and the wealth and poverty of nations*. New York, Penguin Books. 495 p.
- Men'shchikova V. I. (2010) Management of the socio-economic development of the region: a strategic vector. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, no. 12, iss. 92. (In Russian)
- Nurkse R. (1955) *Problems of capital formation in underdeveloped countries*. OUP, New York. 163 p.
- Prebish R. (1992) *Peripheral capitalism: is there an alternative*. Moscow, ILA RAN. 337 p. (In Russian)
- Prebisch R. (1950) *The economic development of Latin America and its principal problems*. New York, UN ECLA. 59 p.
- Ramalingam B. (2013) *Aid on the edge of chaos*. Oxford: Oxford University Press. 480 p.
- Rosenstein-Rodan P. N. (1961) Notes on the Theory of the Big Push. In: *Economic Development for Latin America*. H. D. Ellis and H. C. Wallich (eds). London, Wallich, pp. 57–73.
- Rostow W. W. (1959) The Stages of Economic Growth. *Economic History Review*, vol. 12, iss. 1, pp. 1–16.
- Rostow W. W. (1990) *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, Cambridge University Press. 324 p.
- Singer H. W. (1950) The distribution of gains between investing and borrowing countries. *American Economic Review*, vol. 40, pp. 473–475.
- Singer H. W. (1999) Beyond terms of trade — convergence and divergence. *Journal of International Development*, vol. 11, pp. 911–916.
- Swanson D., Bhadwal, S. (2009) *Creating adaptive policies: a guide for policymaking in an uncertain world*. Ottawa, Sage, New Delhi/IDRC. 168 p.
- Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. San Francisco, University of California Press. 441 p.
- World Bank (1983) *World development report*. Oxford, Oxford University Press. 214 p.

Статья поступила в редакцию: 17.10.2019

Статья рекомендована в печать: 01.06.2020

Контактная информация:

Попова Антонина Александровна — соискатель; popova.tonja@gmail.com

Recent trends in the implementation of trade and development strategies in developing countries

A. A. Popova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Popova A. A. (2020) Recent trends in the implementation of trade and development strategies in developing countries. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 36, iss. 3, pp. 371–389. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.302> (In Russian)

Globalization in the 21st century, like any profound process occurring in society, brings both new opportunities and risks. One tool that helps countries overcome continued economic uncertainty is strategic planning. Despite the fact that the scientific community is still debating whether the state should coordinate a country's economic processes, in practice the number of strategic trade and economic initiatives is constantly growing. This article analyses trends in the design of trade and economic strategies in developing countries from 2000 to 2015, reasons for growing interest in implementing such initiatives, and changes in the structure of strategic documents. Calculations are based on systematic and graphic analyses of data published by the International Trade Centre and the World Bank. The results of this analysis show that increasing interest in implementing trade and development initiatives in the 2000s was preceded by a World Bank policy aimed at alleviating the burden of high-indebted by

poor countries. This policy required beneficiaries to have a poverty reduction strategy (e.g. the Poverty Reduction Strategy Papers — PRSP). The development of PRSPs helped to create and/or restore institutional mechanisms needed to implement such initiatives, which had been lost back in the 1980s. The promotion of the global development goals—Millennium Development Goals (MDGs) 2000–2015 and Sustainable Development Goals (SDGs) 2015–2030, adopted by 193 UN member states — served as a trigger for scaling up the development of strategic initiatives. Such initiatives adopted in developing countries, with the support of international organizations, were focused mainly on solving the food and nutrition problems and improving basic social services. Their successful implementation improved existing planning practices and increased the effectiveness of state institutions in developing countries. At the same time, the first positive results returned faith in the effectiveness of these strategic programs for the development of a country's economy. This created an impulse for the capacity of developing countries to implement later trade and economic strategies without the support of third organizations, giving them the autonomy to allocate resources in high value-added sectors. Nevertheless, despite all the efforts in developing countries, the weak points of these initiatives remain poor elaboration of action plans and the lack of financial resources to achieve stated objectives.

Keywords: strategic initiatives, trade and economic planning, economic development, developing countries, global development goals.

Received: 17.10.2019

Accepted: 06.06.2020

Author's information:

Antonina A. Popova — Postgraduate Academic Applicant; popova.tonja@gmail.com